

ВИНОВНИЦА СУДЬБЫ

АНАСТАСИЯ ЧЕХОВА

18+

Виновница

Анастасия Чехова
Виновница судьбы

«Автор»

2026

Чехова А.

Виновница судьбы / А. Чехова — «Автор», 2026 — (Виновница)

Продолжения захватывающего романа «Виновница торжества» Спустя восемь лет после бурного хаоса страсти и предательства Лэйн Смит пытается отпустить прошлое: успешная карьера в рекламе, дочь Эмили и сеансы у психолога. Но встречи с Дэвидом отцом девочки вновь поднимают чувства, которые, казалось, давно остались позади. Через воспоминания о боли и близости Лэйн сталкивается с самым сложным выбором: продолжать защищаться или рискнуть почувствовать снова.

© Чехова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Анастасия Чехова

Виновница судьбы

Глава 1

Я стояла и смотрела вслед, как уходит дочка за ручку с Дэвидом. Их силуэты таяли в рождественском тумане Сан-Франциско, и внутри меня что-то болезненно сжалось — как всегда, когда я видела их вместе. Щека внезапно ощутила холод; я резко протёрла её, поняв, что это слеза. "Опять? Сколько ещё лет это будет мучить меня?" — подумала я, борясь с комом в горле. Дэвид... даже спустя восемь лет его присутствие будило во мне эхо той страсти — жгучей, неукротимой, как его прикосновения в воспоминаниях, которые я пыталась запереть в прошлом.

— Так, Лэйн, соберись, — прошептала я себе под нос, сделав глубокий вдох-выдох. Достала из кармана пальто смартфон, нашла нужный номер и поднесла к уху.

Гудки длились недолго, и на том конце провода раздался голос моей подруги — тёплый, полный энергии, с ноткой улыбки.

— Дорогая, я уже скоро буду, подъезжаю к кафе, — произнесла Стелла, её слова звучали ярко, как будто она вот-вот готова была расхохотаться.

— Я тоже почти рядом, — ответила я, стараясь скрыть недавнюю грусть за деловым тоном.

— Скоро увидимся! — она положила трубку.

Вокруг царил предпраздничная суэта: слякоть под ногами разбрызгивалась лужами, люди сновали с пакетами подарков, спеша подготовиться к Рождеству. Сан-Франциско замер в ожидании чуда — улицы сияли гирляндами, а воздух пропитался ароматом свежей выпечки и хвои. Рядом с торговыми центрами люди в костюмах эльфов зазывали внутрь, обещая скидки и волшебство. Я ускорила шаг, чувствуя, как холодный ветер с залива пробирает до костей, но в душе теплилась надежда: может, этот праздник принесёт хоть немного покоя.

Я зашла в "Tartine Bakery & Cafe" — уютное местечко в районе Мишн, где всегда пахло свежим хлебом и кофе. Перед Рождеством кафе преобразилось: стены украшали гирлянды с мерцающими огнями, на полках стояли фигурки Санта-Клауса и оленей, а в воздухе витал аромат имбирных пряников и корицы. За окном виднелся туманный залив, а внутри — мягкий свет ламп создавал атмосферу тепла и уюта, как будто здесь можно было спрятаться от всех бурь жизни.

Выбрала столик у окна, скинула пальто и шарф. Под ними скрывался пушистый белый свитер, облегающий фигуру, и бежевая юбка-карандаш в клетку, подчёркивающая бёдра. На ногах — бежевые ботфорты на массивной подошве, удобные для городской слякоти. Я села, глядя в окно.

— Детка! — ко мне подбежала Стелла с лучезарной улыбкой, её волнистые волосы развевались от движения. Она выглядела статно и уверенно: короткая шубка с небольшим чёрным ворсом, кожаная красная юбка чуть выше колена, под шубкой — чёрный топ, подчёркивающий грудь. Её рост добавляли сапоги на тонком высоком каблуке, и весь образ кричал о женственности и силе.

Мы крепко обнялись, поцеловали друг друга в щёку. — Ой, я тут оставила тебе красную помаду, — она начала поспешно вытирать мне щёку салфеткой, хихикая.

— Из-за работы не видела тебя целую неделю. Рассказывай, как поживает Эмили? Она дома? — мы уселись в мягкие кресла, обитые бархатом.

— Нет, она сейчас с Дэвидом. Он всегда забирает её на выходные, — ответила я, стараясь смотреть не только на Стеллу, но и блуждать глазами по кафе, чтобы не выдать то терзание, что жгло внутри. Эмили — наша с Дэвидом дочь, метиска с его тёмными кудряшками и голубыми глазами, — была его любимицей.

— Лэйн, — она посмотрела на меня строго, как старшая сестра. — Ты опять? — Я поджала губы от её слов. — Ходишь к психологу?

— Да, — постучала я чёрными длинными ногтями по столу, нервно.

— Он что говорит? — подруга листала меню, но её взгляд был прикован ко мне.

— Мы будем работать над воспоминаниями, чтобы проработать и отпустить их. — Слова звучали механически, но внутри я знала: отпустить Дэвида? Это как отпустить часть себя.

— Если надо, я дам тебе более эффективного, — она не успела договорить, как я перебила подругу.

— Всё хорошо, он помогает. Просто в некоторые моменты накатывает, — взяла её руку и сжала, показывая, что всё под контролем. Но была ли это правда?

— Поверю, — Стелла улыбнулась уголками губ, в глазах мелькнула забота.

Мы позвали официанта и продиктовали заказ: для меня — салат с киноа, авокадо и свежими травами, плюс зелёный чай с лимоном; для Стеллы — цезарь с курицей, без анчоусов, и латте с корицей. Ничего тяжёлого — лёгкие блюда, чтобы не отвлекаться от разговора.

— Как там Клифф? — спросила я подругу, пытаюсь сменить тему.

— Муж работает целыми днями, устала уже без него находиться, — вздохнула она, но в глазах мелькнула искра. — Но обещал, что на Рождество уедем в горы кататься на сноуборде.

— Ого, мне было бы интересно посмотреть на тебя такую — секси на доске, — подмигнула ей и улыбнулась, представив Стеллу в облегающем костюме, скользящую по снегу.

— Обещаю прислать тебе кучу фоток, — улыбнулась она взаимно, и мы рассмеялись.

Нам принесли блюда и напитки — пар от чая ласкал лицо, а салат выглядел аппетитно, с яркими зелёными акцентами. Мы обсудили всё, что произошло за неделю и даже больше: её работу, мои проекты по рекламе, смешные истории из жизни Эмили во втором классе.

Мы заканчивали нашу трапезу, когда официант принёс счёт. Оплатив его, мы вышли из кафе в прохладный декабрьский воздух Сан-Франциско, где туман уже сгустился, а огни гирлянд мерцали.

— Я тебя подвезу, — предложила подруга, щёлкнув сигнализацией брелка.

Рядом на парковке стоял её Infiniti QX80 — огромный, внушительный SUV, чёрный и блестящий под уличными фонарями, с массивными колёсами и хромированными акцентами, излучающий силу и роскошь. Я забралась внутрь: салон был обит бежевой кожей, мягкой и скрипучей под пальцами, а воздух наполнял лёгкий ягодный аромат освежителя — летний, свежий, как воспоминание о беззаботных днях. Стелла завела двигатель, и мы тронулись, петляя по улицам к моему дому — уютной многоэтажке в тихом районе, где балконы украшали рождественские венки.

— Что Эмили попросила у Санты? — спросила подруга, не отрывая глаз от дороги, где машины сигналили в предпраздничном хаосе.

— Дочь захотела себе кукольный домик — большой, двухэтажный, с мебелью и всем прочим, — ответила я, взглянув на Стеллу. Вспомнилась Эмили с её искрящимися глазками, и сердце сжалось от нежности.

— Чур, я покупаю его ей!

— Стелла... — мне стало неловко, как всегда в такие моменты. С самого начала моей беременности и до сих пор она помогала мне всем, чем могла — от советов до подарков. Эмили на каждый праздник сияла от её сюрпризов, а внутри меня это трогало до слёз: как будто у меня есть самая лучшая старшая сестра, которая никогда не даёт упасть. Но эта зависимость от её поддержки иногда жгла, напоминая о моей собственной уязвимости.

— Это не обсуждается, дорогая.

Я только усмехнулась — переубедить Стеллу было невозможно. Она всегда стояла на своём, и этот стержень в ней только усилился с годами, особенно после свадьбы с Клиффом.

На прощание мы поцеловались в щёку, и я зашла в холл здания, где мягкий свет ламп отражался от мраморного пола. Подошла к лифту, нажала кнопку. Мой телефон завибрировал в кармане, и сердце, как всегда, ёкнуло — это мог быть Дэвид. Я поспешно достала его, стараясь унять волнение: обычно там были либо вопросы по дочери, либо фото. И я оказалась права: мужчина прислал снимок, где он и Эмили, одетая в крошечный колпак Санты, готовят что-то мексиканское — наверное, такос или энчиладас, судя по ярким ингредиентам на столе. Их лица сияли улыбками, и внутри меня шевельнулась теплая волна: я не была против, что Дэвид прививает ей корни своей семьи. Эмили должна знать свою часть культуры — ту, что унаследовала от отца, с его мексиканским шармом и страстью к жизни.

В ответ я отправила сердечко и смайлик с объятиями, зашла в лифт. Двери закрылись, и я прислонилась к стене, чувствуя, как воспоминания накатывают: Дэвид в те годы, когда он был рядом во время беременности, его руки на моём животе...

Ноябрь, 8 лет назад

Живот уже начал проявляться — лёгкая округлость, которая делала меня незнакомой самой себе в зеркале. Для меня это было ново, пугающе и волшебно одновременно: осознание, что внутри растёт человечек, которого я произведу на свет, пьянило и пугало. Я стояла перед большим зеркалом в спальне, крутясь, как юла, разглядывая своё тело: бёдра, грудь, которая налилась тяжестью, и этот маленький холмик, где билось крошечное сердце: «Смогу ли я быть хорошей матерью?» — эти мысли не давали покоя.

Сзади подошёл Дэвид — его шаги были тихими, но присутствие ощущалось, как электрический разряд. Он прильнул к моему уху, обхватив руками талию, и мы встретились взглядами в отражении. Его тигриный взгляд — пронизывающий, полный той же хищной нежности, что и в наши первые ночи, — цеплял меня, даже спустя месяцы испытаний. От его дыхания на шее по коже пробежали мурашки, а тело отреагировало знакомым теплом, несмотря на усталость беременности.

— Она будет прекрасной, — прошептал он, проводя ладонью по моему ещё маленькому, но уже округлившемуся животу. Его прикосновение было нежным, почти благоговейным, но с той подтекстной страстью, которая всегда заставляла меня таять.

— Почему она? — спросила я, глядя на него сквозь зеркало, улыбаясь уголком губ.

— Подсказывает мне моё чутьё, — ответил он, и я развернулась к нему, заглядывая в его голубые глаза — глубокие, как океан.

— Что? — ухмыльнулся он, заметив мой заворожённый взгляд.

— Ты так ждёшь её? — прошептала я, не в силах отвести глаз. В нём было столько тепла, столько надежды, что внутри меня что-то дрогнуло — смесь любви и страха перед будущим.

— Очень.

— С родителями поговорил? — спросила я осторожно. Дэвид отстранился, его лицо на миг омрачилось. Он вальяжно сел на диван, уставившись куда-то в сторону, избегая моего взгляда.

— Ты же знаешь, как оно относится ко мне, а после... — он замолчал, потом посмотрел на меня, и в его глазах мелькнула тень злости. — А ну да, ты же их узнала с другой стороны — доброй, — добавил он, взгляд из-под лба потемнел, голубые глаза налились кровью от вспыхнувшего гнева.

Я жала губы, понимая намёк. От этой всей ситуации было сложно убежать, каждый раз она как лезвие ранила в самые уязвимые места.

Настоящее время

Я тряхнула головой, сбрасывая воспоминания, как пыль с полки. Лифт издал мелодичный звон, сигнализируя, что прибыл на нужный этаж. Открыв дверь квартиры, я вошла внутрь: в прихожей валялись новогодние носки с оленями — Эмили в спешке снимала их перед уходом с отцом. Дома пахло свежей елью от искусственной ёлки в углу, намекая, что год скоро уйдёт, унося с собой старые грусти. Я поставила сумку, разделась и начала убирать разбросанные игрушки и вещи — куклы, рисунки, свитерки. Мне до сих пор иногда не верилось, что у меня восьмилетняя дочь: умная не по годам, бойкая и смелая. "В кого она такая?" — усмехнулась я про себя. «В Дэвида, конечно. Или в нас обоих?» — призадумалась от своей же мысли.

Запустив через колонку рождественскую музыку — мягкие колокольчики и голоса хора, наполняющие квартиру теплом, — я прошла на кухню. Привычка пить вино, кажется, никогда меня не отпустит: пока Эмили нет, я балую себя такими вещами, и не только алкоголем. Мужской близости мне тоже не хватало — порой так хотелось уткнуться в сильные объятия, забыть обо всём, почувствовать тепло тела, прикосновения, которые разожгут огонь внутри. Но пока не суждено: попытки встреч с другими мужчинами всегда заканчивались разочарованием — никто не мог сравниться с Дэвидом, с той искрой, что до сих пор тлела во мне.

Я открыла бутылку белого вина, стоявшую в холодильнике, и налила себе в бокал — прохладный, с нотками яблока и цитруса. Прошла к рабочему ноутбуку, лежавшему на изумрудном бархатном диване. Открыв почту, проверила письма от заказчиков — пара предложений по рекламным кампаниям, напоминания о дедлайнах. А потом увидела сообщение от психолога: "Дорогая миссис Смит, напоминаю, что жду вас завтра на терапии. С уважением, мистер Скотт".

— Ну да, мистер Скотт, куда же я без вашего напоминания, — съязвила я вслух, болтая вино в бокале. "И что мы завтра проработаем? очередной слой боли от Дэвида?" — подумала я, чувствуя, как вино приятно разливается по венам, но не заглушает тоску.

Я хлопнула крышку ноутбука и откинула его в сторону на диван, чувствуя, как напряжение дня постепенно уходит. В этот момент я представила, как дочь прибегает ко мне, и мы обнимаемся — её отсутствие всегда оставляло во мне тоскливую пустоту. Её щебет, новые рассказы о том, что она увидела на YouTube: обычно это были исторические видео, которые она обожала, или просто её присутствие... Всё это делало дом живым. Я трогала бы её кудряшки, мягкие и непослушные, как у отца, и на миг забывала о своей хандре.

— Так, у меня два дня выходных, надо посвятить себе, устрою сама спа, — отвлекла я себя от грусти, вставая и направляясь в ванную.

Включив тёплую воду, я закрыла пробку, чтобы ванна набиралась, и зажгла свечи на стеллаже — каждая из них пахла особенно: лаванда для релакса, ваниль с ноткой сладости и сандал с древесным теплом, создавая атмосферу уюта и соблазна. Налила пену с парфюмированной отдушкой — лёгкой, цветочной, — и насыпала немного морской соли, которая растворилась с шипением. Выключив верхний свет, я оставила только мерцающее пламя свечей: треск фитилей добавлял интимный шарм, а золотистый отблеск делал комнату уединённой, как тайное убежище от мира.

Я разделась полностью, чувствуя, как воздух ласкает кожу, и погрузила сначала одну ногу, проверяя температуру воды. Удостоверившись, что она идеальна — тёплая, обволакивающая, — залезла полностью, откинувшись назад. Подложив полотенце под голову, я расслабилась: вода, ещё набираясь, нежно обтекала тело, вызывая приятные мурашки по коже. Я прикусила нижнюю губу от удовольствия, чувствуя, как напряжение тает, а мысли уплывают в приятную негу.

Но меня отвлек телефон, который зазвонил в прихожей. — Чёрт, — выругалась я, — Как всегда...

Пришлось вылезти, оставляя на полу мокрые следы, и бежать за ним — капли стекали по телу, холодя кожу. Я легла обратно в ванну и увидела, что звонила дочка по видео. Сразу перезвонила, готовая ответить с улыбкой, но неожиданно в камере появился Дэвид — его лицо, с той же обаятельной усмешкой, заполнило экран.

— Оу, я не вовремя, — сказал он, удивлённо вскинув брови, но в глазах мелькнула какая то искра.

— Н... нет, всё хорошо. Я думала, Эмили решила позвонить, — ответила я, машинально прикрываясь рукой, хотя вода и пена скрывали тело. Как будто он ничего не видел раньше — воспоминание о его прикосновениях вспыхнуло в памяти, заставив щёки краснеть.

— Я хотел спросить... Эми утащила мой телефон и говорит, что не брала, — усмехнулся он, его хитрый оскал никуда не делся за эти годы, добавляя шарма его зрелому лицу.

— Так что случилось? — спросила я, стараясь держать телефон так, чтобы было видно только лицо и шею, но сердце уже колотилось.

— Мы хотели сходить в кино, но я знаю, что ты немного против поздних сеансов. Поэтому спрашиваю, а если не спрошу, ты будешь злиться, — нахмурился Дэвид, но в тоне сквозила лёгкая ирония.

Я вдохнула и улыбнулась: видеть его в роли отца было интересно и... трогательно. Он заботился, балансируя между нами.

— Так что?

— Хорошо, только без сладкого попкорна, — сделала я серьёзное лицо, стараясь не выдать волнения.

— Есть! — он отдал честь и посмеялся, его смех эхом отозвался во мне, как в те далёкие дни.

— Хорошо провести время, я тебя... — но тут осеклась, слова замерли на губах.

— Что? — он приподнял бровь, взгляд стал внимательным, пронизывающим.

— Удачи говорю, — выпалила я и положила трубку так быстро, как только могла.

Я скатилась под воду, чтобы никто не видел покрасневшее лицо: "Чуть не выпалила то, что не надо говорить", — мысли шуршали в голове, как осенние листья. Вынырнув, я протёрла глаза от воды и убрала волосы назад.

— Вдох-выдох, — прошептала я, вспоминая, что говорил психолог: "Назовите эмоцию — любовь, тоска, влечение — примите как факт, без осуждения, и отпустите, как облако в

небе. Не цепляйтесь, пусть плывёт дальше". Но как отпустить, когда оно возвращается снова и снова?

Глава 2

На утро я уже сидела в приёмной к психологу. Декабрь не радовал солнцем — серое небо за окном отражалось в помещении, делая всё вокруг унылым и безжизненным. Стены были окрашены в бледно-сером тоне, потрёпанные журналы на столике с заголовками о "саморазвитии" и "счастье в мелочах", которые казались насмешкой над моей жизнью; несколько стульев с потрёпанными подлокотниками, где сидели другие пациенты, уткнувшиеся в телефоны, и тихий гул кондиционера, подчёркивающий тишину ожидания. Я смотрела куда-то в даль, сжимая свою кожаную юбку с разрезом, чувствуя, как ткань мнётся под пальцами.

"Зачем я на это всё подписалась? Ради чего?" — задавала я себе внутри вопросы, нога нервно дёргалась, предвкушая следующий час сеанса — час копания в душе, где боль от Дэвида всё ещё жила, как незаживающая рана.

Открылась дверь: — Мисс Смит, — раздался низкий, но очень приятный мужской голос. — Вы можете проходить, — он улыбнулся, и в этой улыбке мелькнула теплота, которая всегда немного сбивала меня с толку.

Я только поджала губы и вошла в кабинет. В нём всегда царила приятная и располагающая атмосфера: пахло сандалом и мятой, с лёгкой ноткой старых книг, создавая ощущение уюта и доверия. Кабинет был выдержан в тёмно-красных тонах — бархатные кресла цвета бордо, деревянные панели на стенах с оттенком махагони, мягкий свет от торшера с матовым абажуром, полки с книгами по психологии и несколько абстрактных картин, добавляющих глубины. Это место казалось убежищем, но для меня — ареной битвы с самой собой.

— Будете лежать или сидеть? — мистер Скотт показался мне сегодня в хорошем расположении духа; обычная его серьёзность улетучилась, сменившись лёгкой игривостью.

— Посижу... наверное, — колебалась я и всё же села в бархатное красное кресло, чувствуя, как ткань обволакивает тело.

Мужчина сел напротив, его светлые волосы были небрежно разбросаны и слегка закреплены лаком — стиль, который делал его моложе своих лет. Мистер Скотт всегда выделялся на фоне других специалистов: если все носили строгие костюмы, то мой психолог предпочитал что-то свободное. Сегодня это были светлые джинсы, немного широкие, но подвёрнутые у щиколоток, высокие кроссовки и большая оверсайз-футболка цвета фисташки, подчёркивающая его спортивные плечи. Его зелёные глаза внимательно смотрели на меня, как будто пытались прочесть, что скрывается в голове, какие мысли я прячу под маской спокойствия.

Он облокотился в своё кожаное кресло, взял со стола коричневый кожаный блокнот и свою любимую золотую ручку, с которой на протяжении уже года не расставался.

— Итак, как ваши дела, Лэйн? — мужчина был готов записывать, его поза расслабленная, но сосредоточенная.

Я вздохнула, положив локоть на подлокотник кресла и вложив в ладонь свою голову: — Всё стабильно. Не сказала бы, что хуже, но и не лучше.

— Нейтрально? — начал он писать и спрашивать.

— Да, — я наблюдала за психологом, избегая прямого взгляда.

— Вы должны были отдать дочь вчера её отцу. Как прошла встреча?

— Неплохо, — отвела я взгляд и поняла, что он это заметил.

— Кажется, вы что-то недоговариваете, мисс Смит, — краем глаза я увидела, как мужчина склонил голову набок, чтобы поймать мой взгляд.

— Мне просто порой непонятно, когда это закончится? Мы так долго с вами работаем, вроде достигаем какой-то точки, но в один день, в любой момент при встрече всё сбрасывается до начала, — я сжала свою юбку ещё сильнее, чувствуя, как ткань врезается в пальцы.

— Терапия — это не пара сеансов, а долгая работа. Особенно когда это глубоко сидит и особенно когда данный человек находится рядом. Снова всё поднимается: воспоминания, эмоции. Но нам нужно прийти к тому, чтобы отпустить и жить дальше, чтобы не цепляться за этого человека снова, — мужчина говорил спокойно, его ровность порой меня бесила; в таких моментах хотелось всё разбросать и выйти. Но я держалась — мой хаос, который после Дэвида сильно вылез наружу, требовал контроля. Хотя я достигла взрослого возраста, меня порой заносило эмоционально, над чем мы тоже пытались работать.

— Вы снова злитесь на мой тон, я так понимаю? — в ответ я только отрицательно мотнула головой. — Интересно, — он ухмыльнулся. — Лэйн, я уже вам это говорил, скажу ещё раз: если вы будете недоговаривать и скрывать, мы не сдвинемся с места и застрянем надолго, пока вы всё же не соизволите мне открыться.

Я всё же перевела взгляд, тяжело вздохнула: — Стараюсь. Очень.

— Старайтесь ещё сильнее. Ради себя, — от его слов я нахмурилась и прикусила внутри щеку.

— Хорошо, — отрезала я.

— Славно, тогда продолжим.

Час тянулся бесконечно, но всё же я рассказала, как чувствовала себя при встрече, что снова пролились слёзы, что были воспоминания, от которых становилось больно, и что также пользовалась практикой, которую посоветовал мистер Скотт.

Мужчина посмотрел на свои смарт-часы и сказал: — Ну что же, не буду дальше продолжать вас мучить. Мне всё было понятно. Мы с вами немного поменяем систему, и я думаю, она вам пойдёт на пользу, — мы оба встали с кресел.

Мужчина потянулся к двери, чтобы открыть мне: — У вас всё получится, Лэйн. Верьте в себя и прекрасного вам праздника, — он ухмыльнулся, показывая рукой, что я могу выйти.

— Постараюсь. Вам тоже хорошего Рождества, — я поспешно вышла из его кабинета, внутри чувствуя себя вывернутой наизнанку: "Отвратительные чувства", — пробубнила у себя в голове.

Выйдя из здания, на меня обрушился лёгкий ветерок — свежий, с солёным привкусом залива, который немного развеял туман в голове. Город уже шумел с самого утра: люди спешили по делам, порой даже не замечая других прохожих, толкаясь плечами в предпраздничной суете. Я захотела немного прогуляться и освежить мысли после этого водоворота с психологом — сеанса, где снова вскрылись старые раны, оставив меня выжатой, как лимон.

Мои сапоги стучали по мокрому асфальту, я шла размеренно, вдыхая свежий приятный воздух: "Зайду выпить кофе и посижу за работой", — улыбнулась я в предвкушении беззаботности, когда никто не торопит, а время течёт неспешно. "После надо зайти за подарками и ждать Эмили домой", — от упоминания дочери в груди каждый раз теплело, как от луча солнца в пасмурный день. Я улыбнулась шире и направилась в небольшую кофейню неподалёку — уютное местечко с витринами, украшенными гирляндами, и ароматом свежесмолотых зёрен, витающим на улице.

Заказав себе латте с карамелью — сладкий, пенящийся напиток, который всегда поднимал настроение, — я открыла ноутбук и села за работу, чувствуя, как рутина помогает отогнать тени прошлого.

Вдруг зазвонил телефон, от неожиданности я чуть не пролила кружку на ноутбук. Не глядя на экран, я ответила на звонок.

— Слушаю, — мой голос был максимально сосредоточен на работе, пальцы замерли над клавиатурой.

— Крошка, я купила твоему тигрёнку подарок, нам надо пересечься, — Стелла говорила как всегда лучезарно, её энтузиазм прорывался даже через динамик.

— Привет, дорогая, — улыбка невольно расплылась на моём лице, прогоняя остатки сосредоточенности.

— Привет-привет. Ты сейчас где?

Я назвала адрес, где нахожусь, и подруга примчалась через десять минут — её энергия, как всегда, заряжала пространство вокруг.

— Какие планы? — Стелла села рядом, обдав меня ароматом своих духов — свежим, с ноткой ванили.

— Мне надо купить подарок дочери, поэтому хотела прогуляться по торговому центру.

— Прогуляюсь тогда с тобой, — она улыбнулась мне, её глаза искрились. — Как прошла терапия?

Я сжалась, отвела глаза. Мне не хотелось вспоминать сегодня нашу встречу — те вскрытые эмоции всё ещё жгли внутри.

— Вижу твой взгляд, — Стелла посмотрела на меня с прищуром, как будто читая мысли.

— Давай по пути, — взглянула я на свои часы. — Мне надо успеть до прихода Эмили всё купить, — подруга только кивнула, и мы пошли к машине.

По пути я рассказала о сегодняшнем сеансе, попутно делясь воспоминаниями, что вчера привязались ко мне, как цепкие корни. Всё это время девушка слушала меня, не перебивая, но когда я закончила, Стелла была крайне недовольна — её брови сдвинулись, губы сжались.

— Пошёл этот Дэвид куда подальше! Когда тебя уже он отпустит, Лэйн? — она негодовала, крепче сжимая руль. — Он тебя вообще не достоин. Хорошо, что Эмили хотя бы принял и признал, что она его.

Повисла тишина, а в груди заскребло болью — острой, знакомой. Я закусила губу, чтобы унять эту бурю внутри, но слёзы уже жгли глаза.

— Ладно, не будем, — мы подъезжали к большому центру, — Твой психолог прав: не скрывай и откройся ему, он же хочет помочь тебе, — я только вдохнула, стараясь успокоиться.

Мы зашли внутрь этого огромного здания — торгового центра, где предпраздничная суэта царила в полную силу: высокие потолки украшены гирляндами и сверкающими снежинками, в центре зала возвышалась гигантская ёлка с мигающими огнями и игрушками, вокруг которой дети в ярких шапках и шарфах ждали очереди к Санте — бородатому добряку на троне, раздающему конфеты и слушающему пожелания; воздух пропитан ароматом корицы, свежей выпечки и хвои, а по коридорам сновали семьи с пакетами, смех и музыка из колонок создавали атмосферу волшебства, но для меня это было напоминанием о том, чего не хватает — полноценной семьи.

Подруга переключила разговор на более приятные темы: мы обсуждали женские мелочи — новые помады, сериалы, планы на праздники, — пока гуляли по центру, ища идеальный подарок для моей дочки. Её лёгкость помогала мне отвлечься, но внутри всё ещё тлела та боль, которую Стелла невольно растревожила.

— Может, планшет? — поинтересовалась подруга, её голос перекрыл гул толпы в центре, где эхо шагов и детских визгов смешивалось с рождественскими мелодиями из динамиков.

— Ей Дэвид телефон подарил, этого достаточно. Не хочется загружать её техникой, — мы шли медленно, заглядывая в каждую витрину, где декорации манили блеском и цветом: мигающие огни отражались в стекле, а воздух был густым от ароматов парфюма из соседних магазинов.

Я остановилась около магазина с хобби-товарами, всматриваясь в каждый предмет — наборы для творчества с яркими красками, чьи цвета сияли под лампами, краски с металлическим блеском, стикеры, шуршащие под пальцами, если потрогать упаковку.

— Сложно выбрать, когда у ребёнка всё есть для её возраста, — поджала губы, чувствуя лёгкую прохладу кондиционированного воздуха на коже. — Я, наверное, знаю, что ей подарить, — направилась в сторону разных дневников, которые можно было украсить, разукрасить спиртовыми фломастерами, — и наклеить декор.

— О, думаю, ей понравится, — поддержала меня Стелла, её каблук цокал по плитке пола, эхом отдаваясь в коридоре.

Купив подарки — пакеты шуршали при каждом шаге, а их вес приятно оттягивал руки, — ещё немного украшений на ёлку, подруга меня подвезла до дома. Еле дотащив всё до квартиры, чувствуя, как ручки пакетов врезаются в ладони, я спрятала покупки по шкафам так, чтобы Эмили не нашла — их шелест мог выдать тайну.

У меня было время на ужин, так что я переделалась в шёлковый чёрный халатик — лёгкий, скользящий по коже прохладой ткани, и приступила к готовке. Решила сделать пасту карбонара: на сковороде поджарила бекон, его жир шипел и потрескивал, распространяя солёный, дымный аромат по кухне; смешала с яйцами и пармезаном — сыр таял, становясь кремовым, — добавив чёрный перец для остроты, который щекотал ноздри. Во время готовки музыка играла очень громко — ритмичный поп, бас которого вибрировал в груди, под который я виляла бёдрами в такт, чувствуя тепло от плиты на лице.

— Мама! — я дёрнулась от неожиданности, сердце подпрыгнуло, и развернулась.

В проёме стояли Эмили и Дэвид, взгляд мужчины скользнул не по моему лицу, а по фигуре — медленно, оценивающе, заставив кожу покрыться мурашками под тонкой тканью, как от внезапного сквозняка. Я машинально закуталась сильнее в халат.

— Я не слышала вашего звонка, — поспешила я к телефону, чтобы сделать тише, пальцы слегка дрожали от внезапного адреналина.

— Эмили открыла своими ключами, — усмехнулся он, его голос низкий, с той знакомой хрипотцой, которая эхом отозвалась во мне.

Забыла, когда он так близко стоял рядом: его кудряшки всё так же лежали аккуратно, и одна прядь падала на лицо, добавляя шарма; свитер тёплый закрывал горло, шерсть выглядела мягкой на ощупь; а сверху была одета кожаная куртка, чёрные джинсы обливали ноги, которые за годы стали ещё мускулистее от зала — Дэвид принципиально стал крепче, атлетичнее, его плечи казались шире, а движения — увереннее. От него пахло табаком — резким, горьковатым дымом, который смешивался с его естественным мускусным ароматом; мужчина начал курить после нашего расставания, сколько бы я ни ругала, чтобы он не делал этого при дочери, Дэвид не слушал меня.

— Ты опять? — я нахмурила брови, намекая на запах, ноздри слегка дёргались от едкого шлейфа.

— Она не видела, — сказал он тихо, но в глазах мелькнула упрямая искра.

— Как вкусно пахнет! — Эмили пошла проверять, что у меня там готовится, её носик сморщился от аппетитного аромата. — Папа же тоже останется на ужин? — она повернулась к нам, её щёчки покраснелись от возбуждения.

Мы оба переглянулись и замаялись в ответе, воздух между нами вдруг стал густым, как пар от сковороды, но я первая начала диалог: — Солнышко, у папы ещё дела, — дочка поджала губы и подбежала к мужчине, обняла его крепко, её пальчики вцепились в куртку.

— Через неделю увидимся, тигрёнок, — он погладил её по волосам, чувствуя, как он делал это с любовью — нежно, пальцы утопали в кудряшках; Эмили сжимала его ещё крепче.

— Хочу, чтобы ты остался на мамин вкусный ужин, — она надула губы, её нижняя губка задрожала; Дэвид присел, чтобы поравняться с дочерью, его колени хрустнули тихо.

— У меня ещё дела, дочь. Потом, — он не успел договорить.

Я уловила, что Эмили начинает сильно расстраиваться — её глазки заблестели от слёз: — Дэвид, может, отложишь свои срочные дела и останешься? — выдавила я эти слова с тяжестью, чувствуя, как сердце стучит чаще от его близости; дочка сделала щенячьи глаза, умоляя всем видом.

— Хорошо, — он быстро прикоснулся пальцем к её носику и она хихикнула.

Накрыв на стол — фарфоровые тарелки звякнули тихо, распространяя тепло от парящей пасты, — подав каждому еду, мы сели есть. Аромат карбонары — сливочный, с нотками копчёного бекона — витал в воздухе, смешиваясь с лёгким дымком от свечи на столе, которую я зажгла для уюта. Эмили, как всегда, была нескончаемым генератором мыслей и историй: её голосок звенел, как колокольчик, полный детской радости, перескакивая от школьных приключений к забавным видео, а вилка в её ручке постукивала по тарелке в ритме возбуждения, вызывая во мне волну нежности и грусти — как же быстро она растёт. Попивая потихоньку сок — прохладный, с кислинкой яблока, освежающий горло, — я поймала себя на том, что у нас никогда такого не было: необычное ощущение полноценности, хоть и на мгновение, разливалось внутри тёплой, почти болезненной волной, как от первого глотка горячего чая в холодный день, заставляя сердце сжиматься от невысказанной тоски по тому, чего могло бы быть. Невольно поглядывая на мужчину, пробираясь взглядом по нему всему — от широких плеч под свитером до сильных рук, сжимающих вилку, — нога под столом качалась от нервов, задевая ножку стула с тихим скрипом, а внутри меня бушевал вихрь эмоций: любовь, которая так и не угасла, смешанная с горечью разлуки.

Дэвид улыбался всё это время, смотря на своё произведение с такой любовью: его глаза искрились, полные тепла и гордости, когда он общался с ней, даже споря в каких-то моментах — их голоса переплетались, смех Эмили эхом отдавался в комнате, а его низкий тон добавлял глубины, разрывая мне душу напоминанием о наших потерянных днях. Они были как две капли воды, похожи, мне кажется, во всём — от упрямого блеска в глазах до манеры жевать, — от этого было трудно ещё сильнее, сердце сжималось в комок, а кожа покалывала от близости, вызывая слёзы, которые я едва сдерживала. Я не заметила, как взгляд сильно заострился на его глазах — голубых, с тёплыми искрами в свете свечи, полных той же боли, что и у меня, — он посмотрел на меня, и, растерявшись, я чуть не смахнула стакан со стола, жидкость плеснула с лёгким чмоканием, а моё сердце пропустило удар от этого внезапного, электризирующего контакта.

— Я думаю, мне уже пора, — заявил Дэвид, его стул скрипнул по полу, когда он отодвинулся, и это звук эхом отозвался во мне как прощание. — Завтра рабочий день, и деткам уже пора ложиться в кровать, — от этих слов Эмили поджала губы, её щёчки вспыхнули румянцем, а он только умилился этому, коснувшись её руки тёплой ладонью, и моя душа разрывалась от ревности и тепла к этой сцене.

— Спасибо большое за ужин, Лэйн, — он быстро улыбнулся, зубы блеснули в свете лампы, но в глазах мелькнула тень — та же, что жгла и меня, — и поспешил одеваться — куртка зашуршала, молния щёлкнула, каждый звук как удар по сердцу.

— Я тебя люблю, — сказала Эмили ему, поспешно обнимая, её маленькие ручки обвили его шею, а он вдохнул аромат её волос — шампуня с яблоком, — и я почувствовала укол зависти, смешанной с любовью.

— И я тебя, тигрёнок, — Дэвид поцеловал её в лоб, губы коснулись кожи мягко, с лёгким чмоканием, и слёзы подступили к моим глазам от этой нежности.

Он мне только кивнул и поспешно покинул квартиру — дверь хлопнула тихо, эхом отозвавшись в коридоре; сердце сжалось в комок, и снова стало пусто, воздух в комнате будто похолодел, оставляя меня в одиночестве с эхом его шагов. Закрыв дверь на замок — ключ щёлкнул металлически, — я поспешила убирать тарелки в посудомоечную машину, их звон эхом разнёсся по кухне, а вода из крана зашумела, смывая остатки еды.

Зайдя в комнату дочери — воздух здесь был теплее, с ароматом её любимого ночника с лавандой, — она уже ждала меня для прочтения чего-нибудь перед сном, укрывшись одеялом, мягким и пушистым на ощупь. Я присела на кровать, матрас прогнулся с тихим скрипом, трогая её волосы — кудрявые, шелковистые под пальцами, — понимая, как соскучилась за эти выходные по ней, по её теплу и дыханию рядом, которое заполняло пустоту в моей душе. Но дочери даже сказка не понадобилась: её глазки слипались уже в глубокий сон, ресницы дрожали, а дыхание становилось ровным, как лёгкий шёпот ветра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.